

У Вэйшэна был страшно разодран подбородок — почти до мяса, а на руке красовалась длинная глубокая ссадина. Цан Доушань тут же велел слуге сбегать за крепкой водкой, разбавил её водой и принялся бережно промывать раны смоченной тканью. Другого же паренька он спешно отправил в аптекарскую лавку за целебными снадобьями.

— Да в порядке я... — сквозь зубы выдавил Вэйшэн. Судорожно вцепившись в изголовье кровати, он задрал голову, а от дикой боли едва не заплакал.

— Молчи и не дёргайся. Я её и так разбавил, — отрезал Цан Доушань.

— Сука... блядь... — тихо матерился раненый, проклиная всё на свете.

Боль стояла адская. Прижигать разодранную кожу крепким спиртом — всё равно что сыпать соль на открытую рану. В висках у Вэйшэна бешено стучала кровь. Он уже готов был разломать деревянную спинку кровати, когда Цан Доушань наконец вымыл из ссадины всю грязь и, подхватив таз с потемневшей водой, вышел из комнаты.

«Матушка пресвятая...»

Вэйшэн мгновенно обмяк и без сил распластался на постели, тупо созерцая потолок с полным безразличием к жизни.

Вскоре вернулся слуга, притащив баночку с мазью. Плотное изумрудно-зелёное снадобье источало густой, прохладный аромат мяты. Отрезав лоскут шёлка, Цан Доушань обернул им комочек ваты и принялся аккуратно наносить мазь на обожжённую спиртом кожу.

Самое страшное осталось позади, а покалывающий мятный холод приятно успокаивал саднящие раны. Едва Цан Доушань закончил, Вэйшэн попытался заговорить.

— Слышь, а то, что я притащил...

— Помолчи ты уже, — сурово оборвал его Цан Доушань. — Куда тебя понесло сломя голову? Не война ведь на дворе, к чему спешка? Носишься так, будто небо на землю падает.

— Да я же не нарочно... — Вэйшэн искренне обиделся.

«Не припусти я со всех ног, — думал он, — те типы живо прибрали бы вещицу к рукам. Вот тогда бы локти кусал!»

Они ненадолго замолчали. Сбросив испачканную вату в ведро, Цан Доушань искось глянул на друга.

— Сильно ноет?

— Немного...

— На обед сварю тыквенную кашу. Пойдёт?

— Давай.

Вэйшэн промолчал, но в голове его по-прежнему крутилась мысль о заветном чайнике, ради которого пришлось пролить столько крови и пота.

— Так что там... с чайником?

Цан Доушань опустил голову, пряча улыбку. Вэйшэн сначала растерялся, но, глядя на то, как тщетно его друг пытается сдержать смех, почувствовал, как на душе теплеет. Было видно, что он искренне рад, хоть и изо всех сил старается казаться серьёзным.

Наконец, справившись с собой, он поднял взгляд.

— Спасибо тебе.

Он смотрел с такой неподдельной теплотой и благодарностью, что Вэйшэн невольно засмотрелся, позабыв обо всём.

— Это ведь он, — продолжил Цан Доушань. — Мой прежний священный артефакт. Помнишь, я рассказывал тебе про Чайник, Вмещающий Небеса?

Вэйшэн удивлённо приоткрыл рот.

А затем глупо, по-детски ухмыльнулся. Цан Доушань не выдержал и расхохотался в голос, согнувшись пополам. Они сидели и смеялись как двое дуралеев. Вэйшэн от смеха дико занял подбородок, но от переполнявшего его ликования он просто не обращал на это внимания.

— Ну и отлично, — пробормотал он.

Вдоволь отсмеявшись, Цан Доушань посерьёзnel.

— Ладно, пойду займусь кашей.

— Ступай, ступай.

Из-за разбитого подбородка Вэйшэн не мог широко раскрывать рот, поэтому ел кашу крошечными глотками, осторожно втягивая её губами. Выглядело это до того забавно, что Цан Доушань то и дело прыскал от смеха, а раненый лишь сердито зыркал на него из-за тарелки.

— А чайник ты отмыл?

— Пока нет, на столе лежит. Потом займусь.

— К слову, мне ведь пришлось отбивать его силой, — заговорил Вэйшэн, прихлёбывая кашу. — Утром я решил пройтись по барахолке...

Он взахлёб принялся расписывать свои утренние приключения: как ловко выследил воришку среди толпы, как молниеносно скрутил его и отобрал добычу. Рассказал и о том, как уходил от погони, пробиваясь сквозь толпу, и как обидно в итоге растянулся у самого порога собственного дома.

Цан Доушань покачал головой, не скрывая улыбки.

— Ну ты и разбойник. На рынке свои законы, нельзя просто так забрать вещь и удрать. Завтра покажешь мне то место, я найду торговца и заплачу ему как положено.

— И во сколько он обойдётся? — спросил Вэйшэн, сделав очередной глоток. — Штука-то явно непростая. Думаю, за такой артефакт и десять тысяч серебром отдать не жалко.

Цан Доушань загадочно улыбнулся.

— А у тебя глаз-алмаз.

— Да ладно тебе, — скромно отмахнулся Вэйшэн. — Тот торговец в синем халате колотил твоим чайником по башке какому-то буяну. Раз пять приложил, а на посудине ни трещинки! Сразу понял — вещь ценная. Слушай, а почему он такой прочный? Ты им раньше тоже головы проламывал?

Цан Доушань лишь презрительно фыркнул.

— Неуч. Кто же дерётся духовным оружием врукопашную?

— А как тогда?

— В него наливают воду, — усмехнулся Цан Доушань. — Ну и собирают всякую всячину. Туда можно поместить что угодно: хоть живое, хоть мёртвое. И самому спрятаться, если нужно.

Вэйшэн ненадолго задумался, пытаясь представить, как этой штуковиной воюют, но в итоге уцепился за более практичную деталь.

— То есть в него можно засыпать зерно?

— Запросто.

— Вот это вещь! — Вэйшэн от радости подскочил на месте, но тут же схватился за подбородок и жалобно заскулил.

Цан Доушань, прекрасно понимая, о чём тот грезит, поддразнил его.

— Купи пару мешков батата на семена. К следующей осени у тебя будет столько сладкого картофеля, что девать некуда.

Вэйшэн, всё ещё придерживая рукой ноющий подбородок, расплылся в довольной ухмылке.

— Отличный план.

Они поговорили ещё немного, строя планы на будущее, после чего Цан Доушань собрал посуду, отдал её слугам и направился в кабинет.

Грязный, покрытый засохшей коркой земли Чайник, Вмещающий Небеса, сиротливо стоял на письменном столе.

— А-Жун? — тихо позвал он.

В ответ — лишь глухое молчание.

Цан Доушаню казалось, что он давно подготовил себя к худшему, но глухая, безжизненная тишина артефакта заставила его сердце сжаться, а сам он едва не заплакал.

А-Жун, дух Чайника, Вмещающего Небеса, когда-то был невыносимым ворчуном и болтуном. Он придирчиво оценивал каждую мелочь, которую хозяин пытался спрятать в поднебесное пространство артефакта, без жалости выплёвывал дрянные вещи обратно и едко высмеивал дурной вкус владельца, совершенно не реагируя на уговоры.

Бывали времена, когда Цан Доушань от злости готов был разорвать с ним кровную связь.

Один раз он в сердцах даже швырнул строптивый чайник с вершины горы Врат Сердца. Но, услышав отчаянный, возмущённый вопль летящего в пропасть духа, не выдержал, бросился

следом и поймал у самой земли.

Чайник, Вмещающий Небеса, был великим сокровищем, его невозможно уничтожить обычным оружием. Дух артефакта должен был жить, пока цел сам сосуд.

«Но почему же ты молчишь?»

Цан Доушань бережно коснулся шершавой глины, пытаясь уловить хоть каплю прежней искры. Прошла минута, другая...

Дух погиб.

Горькая правда, которую он так отчаянно пытался отрицать, предстала перед ним во всей своей неумолимости. Чайник, Вмещающий Небеса, утратил свой ранг сокровища, опустившись до уровня обычного духовного артефакта высшего качества. Даже если когда-нибудь в нём зародится новый дух, это будет уже совсем другой, чужой А-Жун.

Но ведь духи сокровищ способны существовать сами по себе, даже если их хозяин погибнет.

«Зачем же ты ушёл вслед за мной?»

Слёзы обожгли щёки. Не выдержав, Цан Доушань прижал чайник к груди и горько зарыдал.

Чайник, Вмещающий Небеса, оставался безучастен. Он пролежал в сырой земле тысячу лет и разучился чувствовать.

На следующий день

Вэйшэн повёл друга на барахолку, но торговца в синем халате они так и не нашли. Расспросив местного лекаря, они узнали, что бедолага после той драки сам лишился чувств. Похоже, раны его оказались серьёзными, сейчас он отлёживался дома и возвращаться к торговле в ближайшее время не собирался.

Поискав, они ни с чем вернулись назад. Цан Доушань решил повторить попытку через несколько дней.

Раны у Вэйшэна затянулись быстро. Уже через пару дней он, весёлый и бодрый, побежал на рынок за сушёным бататом и семенами. Едва переступив порог дома, он зычно закричал.

— Доушань! Доушань, ты где?

— Да тут я, — отозвался тот из комнаты.

— Где чайник? Я принёс сушёный картофель, давай проверим, как он работает!

Глядя на мешки в руках приятеля, Цан Доушань покачал головой.

— Ты и впрямь семена притащил?

Вэйшэн удивлённо захлопал глазами.

— Но ты же сам говорил, что там можно сажать!

Цан Доушань лишь мягко улыбнулся.

— Сейчас... всё непросто. Сложно объяснить на словах, лучше посмотри сам.

С этими словами Чайник, Вмещающий Небеса, стоявший на столе, взмыл в воздух, перевернулся горлышком вниз, и перед глазами Вэйшэна мгновенно всё померкло. В ушах бешено засвистел ветер, он камнем полетел вниз.

«Мамочки, сейчас разобьюсь!» — Вэйшэн отчаянно заболтал руками и ногами в воздухе.

Но буквально в нескольких сантиметрах от земли падение внезапно замедлилось. Он будто погрузился в податливую, мягкую озёрную гладь.

Осторожно пошевелившись, Вэйшэн сел. Невидимая опора тут же растаяла, и он плюхнулся на жёсткую землю, болезненно поморщившись.

Оглядевшись, он обомлел. Перед ним раскинулась серая, унылая пустошь. Лишь кое-где из сухой растрескавшейся почвы пробивались чахлые, увядающие стебли травы.

— Чего разлёгся? Вставай, — раздался за спиной голос Цан Доушаня. Тот появился словно из ниоткуда.

— Где это мы? — ошарашенно спросил Вэйшэн, поднимаясь на ноги.

— Небеса внутри чайника, — тихо ответил Цан Доушань, обводя взглядом безжизненные просторы. — Раньше здесь шумели леса и текли чистые реки. Теперь, как видишь, ничего не

осталось.

Он говорил ровно и спокойно, будто рассказывал о чужом, давно заброшенном саде.

Вэйшэн нагнулся, зачерпнул горсть земли и растёр её между пальцами.

— А земля-то влажная. Самое то для посадок.

— Я же пошутил. Всё, что вырастет в Небесах внутри чайника, невозможно вынести наружу, — грустно усмехнулся друг. — Местные горы и реки — лишь порождение духовной силы. Чем её больше, тем живописнее мир внутри, но всё это — не более чем иллюзия.

— Вот оно как... — протянул Вэйшэн с явным разочарованием, но тут же приободрился.

— Ну, даже если просто использовать его как склад, это уже великое дело.

Цан Доушань лукаво прищурился.

— Погоди, я покажу тебе кое-что ещё.

Он опустился на землю, скрестив ноги. В то же мгновение почва под ними стала прозрачной, а по серой равнине стремительной волной покатилась сочная зелень. В считанные секунды вокруг них взошли и заколосились густые колосья пшеницы, гнущиеся под тяжестью спелых зёрен. Но ещё мгновение — и колосья превратились в мириады острых клинков, разом устремившихся к ним со всех сторон.

— Твою мать! — завопил Вэйшэн и бросился наутёк.

Пробежав несколько шагов, он понял, что мечи растаяли в воздухе, не причинив ему вреда. Тяжело дыша, он обернулся и сердито прикрикнул.

— Ты чего пугаешь-то?!

— Да просто весело, — рассмеялся Цан Доушань, довольно прищурившись.

Вэйшэн лишь махнул рукой.

— Ну тебя. Твоё болото, твори что хочешь. Пошли отсюда наружу.

Стоило им покинуть поднебесный мир, как остатки налипшей грязи осыпались с чайника,

обнажив его истинный облик. Чайник, Вмещающий Небеса, сиял чистым, мягким нефритовым блеском. Совсем крошечный, изящный — глядя на него, трудно было поверить, что внутри скрывается целая вселенная.

Вэйшэн осторожно взял его в руки. Стенки сосуда оказались тонкими, словно яичная скорлупа, а при лёгком щелчке раздался чистый, звонкий металлический гул. Даже без всякой магии из такого чайника было бы невероятно приятно пить чай.

— Слушай, а заваривать-то в нём можно?

— Если хочется — заваривай, кто запретит.

Вэйшэн помедлил и бережно вернул Чайник, Вмещающий Небеса, на стол.

— Не, у меня рука не поднимется. Слишком уж дорогая игрушка для простого чаепития.

Цан Доушань негромко усмехнулся. Вспомнив о незавершённом деле с торговцем, он предложил.

— Ну что, сходим сегодня на рынок? Может, парень в синем халате уже объявился.

Вэйшэн согласно кивнул.

— Пойдём.

<http://bllate.org/book/18329/1862555>